

ИЗЪ „КНИГИ БЫТІЯ МОЕГО“ ПОРФИРІЯ УСПЕНСКАГО. *)

1854—1860.

осьмого Мая 1854 г. Порфирій выѣхалъ изъ Іерусалима въ Италію. Посѣтивъ Аѳины, Триестъ, Венецію, Падую, Миланъ, онъ 23 Іюня прибылъ въ Римъ, гдѣ и прожилъ до 12 Іюля.

Описывая подробно катакомбы, онъ заключаетъ: „Спрашивается, христіане ли устроили Римскія катакомбы? Не воспользовались ли они готовыми каменоломнями и аренаріями язычниковъ? На эти вопросы ученые до нашихъ дней отвѣчали, что христіане во время гоненій воспользовались готовыми песчанниками и каменоломнями для того, чтобы хоронить тутъ своихъ усопшихъ и тайно совершать свое богослуженіе. Но нынѣ это мнѣніе покинуто, потому что болѣе внимательное и болѣе научное изслѣдованіе катакомбъ породило иное весьма основательное мнѣніе, что эти усыпальницы суть дѣло рукъ христіанскихъ. Излагаю основаніе сего новаго мнѣнія. Во-первыхъ, язычники добывали себѣ надобные для строеній матеріалы только въ двухъ слояхъ земли, въ чистомъ пуццоланѣ, который они обращали въ цементъ, и въ слоѣ каменистомъ, tufa lithoide, изъ котораго вырѣзывали песчаниковые камни; христіане же напротивъ, обходили оба эти слоя, первый—по непрочности его и негодности для гробницъ, а второй—по твердой плотности его, требовавшей труда продолжительнаго, изнурительнаго и дорогаго, и искапывали свои усыпальницы въ слоѣ гранулярномъ, весьма удобномъ для выдѣлки въ немъ корридоровъ, сводовъ, кубикуль и церквичъ, коихъ стѣны отъ пропущеннаго въ нихъ воздуха и свѣта твердели достаточно. Во-вторыхъ: нѣкоторыя усыпальницы христіанскія, именно Св. Понтіана, Монвертъ, Св. Юлія и Св. Валентина, между рѣкою Тибромъ и старою дорогою Саларія, устроены въ слояхъ земли нептуническихъ, т. е. произведенныхъ осадками водъ морскихъ и рѣчныхъ; а язычники едва ли пользовались этими слоями, потому что они мало годны для

*) См. „Русскій Архивъ“ 1910 года, выпускъ 12-й.

построекъ и слѣдовательно невыгодны для кармана подрядчиковъ. Въ третьихъ, замѣтна величайшая разность архитектурическая между аренаріями и каменоломнями язычниковъ и катакомбами христіанъ. Въ подземельяхъ языческихъ корридоры искривлены и обширны такъ, что по нимъ проходили навьюченные животныя, а въ христіанскихъ они прямы и узки; тамъ стѣны отлоги, откосны, а здѣсь прямолинейныя снизу до верха; тамъ нѣтъ никакихъ комнатъ, а здѣсь ихъ много, да и изъ нихъ однѣ квадратныя, а другія круглыя, третьи осьмиугольныя; тамъ не усматривается никакой особой задачи, а здѣсь повсюду видна одна руководящая мысль—суживать корридоры, дабы ихъ было какъ можно больше и дабы въ стѣнахъ ихъ помѣстить мертвенныя продольныя ложи, а тамъ и сямъ изсѣчь въ утесахъ сборныя и богослужебныя помѣщенія“.

По мнѣнію Порфирія, христіане вырубленный ими грануляръ на мѣстѣ мелко толкли и выносили въ лощины и тутъ засѣвали травы и цвѣты или заваливали имъ прежнія катакомбы, дабы уберечь ихъ отъ поруганія язычниковъ.

„Разсматривая Римскія святыни, пишетъ Порфирій, я чувствовалъ въ душѣ своей чистѣйшее веселіе духовное. Оно окрыляло меня и стремилло отъ одной церкви къ другой. Оно ввело меня и въ церковь Алексѣя, человѣка Божія. Эта церковь очень древняя. Она основана сенаторомъ Евѳиміаномъ въ царствованіе Онорія (393—403 г.г.), а нынѣшній видъ получила въ 1570 г. стараніемъ кардинала Квирини. До этой же поры убѣжавшій изъ Дамаска отъ Арабовъ митрополитъ Сергій въ 977 г. поселился при этой церкви и устроилъ монастырь Св. Вонифатія, въ которомъ въ 981 г. было много монаховъ подъ начальствомъ аббата Льва. Въ 990 г. Пражскій епископъ Адальбертъ тутъ омонашилсѣ вмѣстѣ съ послушниками своими, Іоанномъ Мудрымъ и Θεодосіемъ Молчаливымъ. Съ 1426 г. этотъ монастырь занимаютъ монахи-Іеронимиты. Въ церкви его чествуется древняя, поясная икона Пресвятой Дѣвы Маріи, когда-то принесенная съ Востока (быть-можетъ, Дамасскимъ митрополитомъ Сергіемъ). Лицо Ея полно и отдутловато, брови прямы, какъ у жителей Месопотаміи, глаза непріятны, носъ прямъ и длинноватъ, уста малы и сжаты, десница немного приподнята (въ часъ молитвы), одѣяніе, какъ и на всѣхъ иконахъ Ея, но рукавчики оторочены золотомъ въ два ряда у самыхъ кистей ручныхъ и ниже ихъ. Пресвятая Дѣва написана безъ Младенца“.

Описывая далѣе храмъ Св. Петра, Порфирій отмѣчаетъ, что самое священное мѣсто въ этомъ храмѣ есть подхрамный вертепъ, въ которомъ покоятся святыя мощи апостоловъ Петра и Павла и останки многихъ папъ Римскихъ. „Я два раза благоговѣнно поклонялся онимъ мощамъ, хотя они и скрыты отъ взоровъ поклонниковъ. Вѣдь вѣра проникаетъ сквозь камни и осязаетъ накрытыя ими святыни. Въ апостольскую усыпальницу обыкновенно спускаются по лѣстницѣ изъ верхней капеллы Св. Вероники. Этимъ ходомъ и меня свели туда. Что же я видѣлъ тамъ, кромѣ названныхъ мощей? Видѣлъ выпуклыя изображенія святыхъ (барельефы), статуи и гробницы папъ, кардиналовъ и знатныхъ мірянъ, и въ концѣ концовъ пресловутый саркофагъ Римскаго пре-

фекта Юнія Басса, умершаго въ 359 г. по Р. Х., съ изваянными на немъ событіями изъ Ветхаго Заѡвѣта. У раки мощей Св. Петра и Павла миѣ, не знаю почему, припомнились слова перваго апостола: любовь покрываетъ множество грѣховъ, и втораго—благодатію есте спасени. Эта рака, или точнѣе св. трапеза надъ нею, окружена красивою баллюстрадаю мраморною и постоянно освѣщается 142-мя лампадами изъ позолоченной бронзы.

Къ храму Св. Петра пристроенъ Ватиканскій дворецъ папы. Онъ имѣетъ свою исторію. Сказую ее. Папа Симмахъ (498—514 г.г.) построилъ его первый, разумѣется, въ небольшихъ размѣрахъ. Въ немъ жилъ Нѣмецкій императоръ Оттонъ II въ 981 г. Папа Евгеній III съизнова перестроилъ его (1150 г.) Целестинъ III увеличилъ (1191—1198 г.г.), а преемникъ его Иннокентій III обвелъ его каменною оградою и устроилъ башню надъ воротами. Во все время пребыванія папъ въ Авиньонѣ дворецъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ запущенъ, хотя и жили въ немъ папскіе вице-легаты. Когда же папа Григорій XI (1370—1378 г.г.) возвратился изъ Авиньона въ Римъ, тогда предпочелъ Ватиканъ Латерану, который тогда былъ необитаемъ. По смерти его въ 1378 г. тутъ былъ первый конклавъ, угрожаемый вооруженною чернью, которая требовала, чтобы папа былъ Итальянецъ. Избранъ былъ Урбанъ VI. Съ той поры Ватиканъ сдѣлался постояннымъ жилищемъ Римскихъ первосвященниковъ, и они возобновляли, перестраивали, увеличивали и украшали его, каждый по своему вкусу и по оказывавшимся надобностямъ. Посему этотъ дворецъ есть зданіе не прямолинейное, а многосложное. Въ немъ насчитываютъ 11000 помѣщеній и, говорятъ, что объемъ его равняется объему столичнаго города Сардиніи Турина. И такъ, выполненъ былъ планъ папы Николая V (1437—1445 г.г.), задумавшаго сгромоздить себѣ жилище обширнѣе и величественнѣе всѣхъ дворцовъ царскихъ, въ которомъ помѣщались бы всѣ кардиналы и всѣ прочіе чины и слуги, дабы католическіе народы, смотря на величіе его, видѣли въ немъ свое собственное величіе и крѣпили въ вѣрѣ въ Бога и въ папу. А меня не удивила громадная величина папскаго дворца, потому что я люблю величіе духа, а не матеріи, величіе вѣры, вѣдѣнія, художества, святости. Въ этомъ дворцѣ я хорошо видѣлъ только капеллу Сикстову, ложи и станцы Рафаеля, пинакотеку и книгохранилище, а музей обошелъ скорымъ шагомъ.

Сикстова капелла построена была въ 1473 г. Сикстомъ IV. Строилъ же ея Флорентинскій задчій Баччіо Понтелли. Это домовая церковь папы не мала. Въ ней занимали мое вниманіе фрески, написанныя на стѣнахъ ея въ 1484 г. разными живописцами. Всѣхъ ихъ двѣнадцать“.

12 Іюля папа пожелалъ видѣть Порфирія. „Что это значило бы?“ отмѣчаетъ онъ. Меня просятъ не жаловаться папѣ. Я и не думалъ жаловаться. Благоразумно ли и пристойно-ли гостю быть челобитчикомъ? Да и кто поставилъ меня судьей надъ католиками? Никто. Я не посланникъ Русскаго царя или Русской церкви. Ни онъ, ни она не дали миѣ никакого порученія къ папѣ, никакого полномочія у него. Посему я не долженъ говорить съ папою, какъ дипломатъ. О чемъ онъ спроситъ меня, о томъ и возглаголю ему. Аминь.

Насталъ часъ отъѣзда моего къ папѣ. Подали мнѣ наемную карету. Я поѣхалъ, взявъ съ собою іеромонаха Теофана. Подѣхали мы къ Ватикану. Выходимъ туда по мраморной лѣстницѣ высокой. Я волнуясь, самъ не зная отчего. Отъ волненія подгибаются подколки мои. Думаю: до сей поры я еще семинаристъ, робѣющій предъ всякимъ высшимъ лицомъ и особенно предъ архіереємъ. Медленно приближаюсь къ верхней площадкѣ лѣстницы и слышу тутъ разговоръ о насъ людей. Кто-то проговорилъ, что мы Марониты, а другіе отвѣтили, что у Маронитовъ шапки не такія, какъ на насъ. Потомъ насъ называли то Греками, то Армянами, но противорѣчили имъ наши камилавки. Наконецъ, весь этотъ конклавъ рѣшилъ, что мы—Кальвинисты, потому что рясы у насъ съ широкими и длинными рукавами. Конклавъ замолчалъ. Насъ ввели въ предлинную горницу, въ которой всѣ стѣны покрыты фресковой живописью. Тутъ стояла въ строѣ Швейцарская гвардія папы въ своемъ средне-вѣковомъ разноцвѣтномъ нарядѣ и алебардами своими отдала воинскую почесть; не мнѣ,—подумалъ я,—а ордену Государя моего. Изъ этой горницы ввели насъ напротивъ, въ другую комнату. Здѣсь стояла такъ называемая гвардія нобиле, гвардія изъ благородныхъ дворянъ, и отдала намъ воинскую почесть, приставивъ свои обнаженные тесаки къ своимъ мѣднымъ каскамъ. Я смекнулъ, что было приказаніе папы принимать меня съ такими почестями. Такой пріемъ нимало не польстилъ самолюбію моему, а въ папѣ выказалъ уваженіе къ Государю моему и къ ордену его. Изъ стоянки благородной гвардіи ввели насъ направо, въ третью небольшую комнату. Тутъ у комода стоялъ какой-то панскій чиновникъ, одѣтый въ Испанскую епанчу изъ чернаго бархата, и что-то писалъ. Онъ, раскланявшись съ нами, попросилъ насъ снять наши камилавки, поставить ихъ на стульяхъ и подождать приглашенія. Стоимъ и ждемъ: Меня волнуетъ загадочность, таинственность, неизвѣстность. Подошелъ ко мнѣ какой-то новый сановникъ и попросилъ меня войти въ сосѣдную, четвертую комнату. Я тутъ и вижу, подходитъ ко мнѣ духовный сановникъ, молодой и красивый, въ красной одеждѣ безъ ничего на головѣ. Волнуемый я принялъ его за самого папу, хотя и зналъ, что его святѣйшество не только не молодъ, но и старъ и, поклонившись ему низенько, привѣтствовалъ его по-французски, *saint père*, святой отецъ. Сановникъ, замѣтивъ мою ошибку, положилъ бѣлую руку свою на плечо мое и сказалъ мнѣ: я не папа, а кардиналъ Гогенлое. Потомъ онъ спросилъ меня: что видѣли вы въ Римѣ особенно замѣчательное? Я отвѣтилъ ему: замѣчательны старинныя мозаики въ церквахъ и наипаче святыя образа Богоматери, писанныя Евангелистомъ Лукою.—Ужели вы вѣрите этому? возразилъ кардиналъ, усмѣхаясь. Его невѣріе подлѣ непогрѣшимаго папы, невѣріе непогрѣшимое въ отрицаніяхъ и сомнѣніяхъ, маленько озадачило меня. Но такъ какъ и самъ я сомнѣвался въ подлинности оныхъ образовъ, потому что они не походили одинъ на другой, слѣдовательно написаны не одною кистію, то и отвѣтилъ собесѣднику, улыбаясь: „да вѣдь вы же подписали подъ этими иконами: *ab evangelista Luca depicta* (евангелистомъ Лукою написана). Этимъ отвѣтомъ кончился разговоръ нашъ, потому что какой-то духовный въ бѣлой полурубашкѣ, какую надѣваютъ католики въ церкви, по-

звалъ меня къ папѣ, въ пятую комнату. Онъ вошелъ туда, склонился къ полу и поцѣловалъ туфель папы. А я въ эту минуту установился у столика, на которомъ святой отецъ подписывалъ какія-то бумаги, и разсмотрѣлъ, что онъ одѣтъ въ бѣлый кафтанъ, застегнутый пуговицами отъ шеи до ступней, и что голова его прикрыта черною, низенькою камилавкою Доминиканскою. Лице у него бѣлое и полное, добродушное, но не выразительное. Весь онъ дородень. Начался разговоръ нашъ послѣ поясного поклона папѣ и послѣ цѣлованія его руки, протянутой по столу. Передаю этотъ разговоръ слово въ слово.

Я.—Святой Отецъ! Богъ сподобилъ меня поклониться святымъ мѣстамъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла и многихъ святыхъ мучениковъ. Къ этому блаженству моему присоединилось счастье видѣть ваше святѣйшество.

Папа.—А мое единственное счастье есть соединеніе церковей въ Иисусѣ Христѣ.

Я.—И мы ежедневно молимся о благосостояніи святыхъ Божіихъ церковей и соединенія ихъ въ Иисусѣ Христѣ.

Папа.—Вы епископъ или архимандрить?

Я.—Архимандрить.

Папа.—Изъ какого монастыря?

Я.—Теперь я поклонникъ святынь, а прежде былъ настоятелемъ Успенскаго монастыря въ Одессѣ и профессоромъ богословія въ тамошнемъ лицѣѣ, который основанъ былъ дюкомъ де-Ришелье.

Папа.—Въ той сторонѣ есть городъ Херсонъ. Его назначило Русское правительство мѣстопробываніемъ нашего епископа, а потомъ вмѣсто сего города указало другой, именно Тирасполь; но и тутъ нѣтъ ни дома, ни семинаріи для нашего епископа, да и гдѣ самъ онъ находится, я не знаю. Впрочемъ, да будетъ воля Божія во всемъ. Эти послѣднія слова папа сказалъ по-итальянски, но какъ бы одумавшись, спросилъ меня: Вы говорите по-итальянски?

Я.—Non parlo, ma capisco qualche cosa. (Не говорю, но понимаю кое-что).

Послѣ сего его святѣйшество обратился къ спутнику моему Теофану и спросилъ его: гдѣ вы родились? Я за него отвѣтилъ: въ одномъ селѣ епархіи Орловской.

— О, Россія такъ велика, сказалъ папа, что я не знаю, гдѣ находится эта епархія.

Послѣ сего святой отецъ слегка наклонилъ свою голову въ знакъ окончанія аудіенціи и, сказавъ намъ обоимъ: да будетъ воля Божія надъ вами, протянулъ свою руку по столу. Мы поцѣловали ее благоговѣнно и, поклонившись ему, вышли изъ кабинета его. Прикладываясь къ рукѣ его, я видѣлъ на одномъ пальцѣ ея великолѣпный изумрудъ въ перстнѣ.

Итакъ, вотъ почему папа желалъ видѣть меня. Ему вздумалось черезъ меня передать свою жалобу нашему правительству. Я передалъ ее.

Отъ папы провели насъ къ кардиналу Антонелли, живущему въ Ватиканѣ. Онъ принялъ насъ весьма учтиво и любезно, и усадилъ меня подлѣ

себя на диванѣ, а отцу Теофану придвинулъ кресло. Разговоръ у нихъ происходилъ по-французски“.

14 Іюля Порфирій былъ уже въ Ливорно, а 21-го въ Пизѣ.

„Пресловутая, писалъ онъ, наклоненная въ одну сторону, башня, она же и колокольня, въ восемь ярусовъ, основана была въ 1174 г., что доказываетъ надпись у входа въ нее. Строили же ее, по сказанію Пизанскихъ лѣтописей, зодчіе Боннано Пизанецъ и Вильгельмъ изъ Инспрука. А по мѣстному преданію, Томмазо Пизанецъ въ XIV вѣкѣ надстроилъ осьмой ярусъ для колоколовъ. Надъ входомъ въ эту колокольню въ стѣну вставлены изваянные въ мраморѣ лики Богоматери, Петра и Іоанна, а подлѣ двери, выше оной надписи, изображенія дракона, медвѣдя и козла, корабля и маяка. Все это зданіе снаружи украшено 180-ю мраморными колоннами. Въ толщѣ стѣнъ его устроена лѣстница съ 293-мя ступенями изъ бѣлаго мрамора. По нимъ всходишь въ седьмой ярусъ, освѣщенный шестью окнами, а отсюда по винтообразной лѣстницѣ, въ 37 ступеней, въ восьмой ярусъ, въ которомъ висятъ семь колоколовъ, подобранныхъ музыкально. Эта колокольня склонена въ одну сторону, полагаютъ потому, что нетвердый материкъ, на которомъ она поставлена, покривилъ ее, когда выведенъ былъ третій ярусъ ея. Но едва ли это вѣрно: въ такомъ случаѣ зодчіе не надстраивали бы пяти ярусовъ на покривившемся внизу зданіи. Скорѣе можно думать, судя по великой толщѣ стѣнъ, что такая кривизна дана ей искусственно вставками желѣзныхъ связей въ стѣнѣ и вертикальныхъ блоковъ въ тѣ тяжелые камни, кои назначены были сдерживать уклонъ башни, сложенный изъ камней болѣе легкихъ, чѣмъ тѣ, кои сдерживаютъ ихъ“.

Прибывъ 21 Іюля во Флоренцію и подробно описывая посѣщаемыя церкви и картинныя галереи, Порфирій, между прочимъ, останавливаетъ свое вниманіе на монастырѣ Францисканскихъ монаховъ, гдѣ въ храмѣ Св. Креста XIII в. есть достопримѣчательная живопись. Тамъ, въ придѣлѣ Бартола-Барди, богатаго купца Флорентинскаго, Джіотто историровалъ на стѣнахъ событія изъ жизни Св. Франциска“. На лѣвой стѣнѣ этотъ Францискъ, еще юноша, укрывается подъ ризою епископа отъ разгнѣваннаго отца и отъ мальчишекъ, бросающихъ въ него камни; одного изъ нихъ удерживаетъ женщина, а другого схватилъ за волосы одинъ изъ окружающихъ епископа. Разгнѣваннаго отца сдерживаютъ консулъ и родственники, дабы онъ не бросился на сына. Францискъ изображенъ нагимъ и благообразнымъ. На заднемъ планѣ видна красивая постройка. На правой стѣнѣ въ люнетѣ изображенъ Францискъ вмѣстѣ съ братією его на колѣняхъ предъ папою Оноріемъ. Папа сидитъ на тронѣ; около него два епископа. Эта картина отличается простотою сочиненія, а главная мысль ея есть основаніе онымъ папою монастыря ордена Францисканъ. На лѣвой стѣнѣ написана такъ называемая Огненная Ордалія. По срединѣ этой картины султанъ сидитъ на тронѣ и своимъ имамамъ указываетъ на христіанскаго Святого, приближающагося къ пылающему костру съ непоколебимою рѣшительностью. Святой Францискъ, осѣня себя знаменіемъ креста, вступаетъ

въ огонь. Имамы въ ужасѣ отступаютъ. Сзади Франциска монахъ удивляется, но надѣется на чудо. Слева двое изъ приближенныхъ султана нѣсколько насмѣшливо подстрекаютъ имамовъ идти въ огонь, дабы доказать превосходство Ислама предъ Христіанствомъ. Тутъ отъменно хороши восточныя лица имамовъ, отступающихъ отъ огня въ ужасѣ, и твердая, полная рѣшимости поступь Франциска. — Жаль, что немного испорчена картина подъ названіемъ: Явленіе Св. Франциска Антонію въ Арлѣ. Въ церкви Антоній служитъ обѣдню. Его монахи сидятъ тутъ на скамьяхъ. Имъ является Францискъ и показываетъ свои язвы. Мастерски написанъ этотъ Святой, уже лежащій на смертномъ одрѣ. Два монаха со слезами цѣлуютъ окостенѣвшія руки его, два другіе — ноги, четыре стоятъ сзади и скорбятъ. Спереди у одра на колѣнахъ невѣрующій Джироламо и въ язву влагаетъ перстъ свой. У головы и у ногъ усопшаго церковники съ крестомъ и свѣчами совершаютъ погребальный обрядъ. Одинъ изъ монаховъ съ удивленіемъ видитъ возносимаго ангелами на небо Франциска. Эта фреска по выразительности лицъ и по гармонической обработкѣ цѣлаго есть наилучшее произведеніе кисти Джіотто.

Въ этой же церкви Св. Креста я видѣлъ надгробный памятникъ Софіи, графини Замойской. Она лежитъ. Голова ея приподнята: кажется, вотъ пробудится и встанетъ. Драпировка одежды на ней сдѣлана весьма искусно, какъ будто сшита наилучшею швеєю“.

12 Августа, по пріѣздѣ въ Вѣну, Порфирій былъ у нашего посла князя Александра Михайловича Горчакова и записалъ разговоръ съ посломъ въ свой дневникъ „памяти ради“.

Посоль. Константинопольскій патріархъ въ своемъ окружномъ посланіи къ восточнымъ архіереямъ и христіанамъ выразилъ недоброе мнѣніе о Россіи. Чѣмъ объяснить нерасположенность къ намъ высшаго Греческаго духовенства?

Я. На то есть причины важныя.

Посоль. Какія?

Я. Политическія и церковныя.

Посоль. Объяснитесь.

Я. Въ 1770 г. императрица Екатерина II, готовившая внука своего Константина на Византійскій престолъ и для того обучившая его Греческому языку, подстрекнула Морейскихъ Грековъ къ общему возстанію, которое произошло тогда и на островѣ Критѣ. Но извѣстно, чѣмъ кончилось это Морейское предпріятіе ея: Греки опять подпали подъ иго Турецкое, иго болѣе тяжкое. Посему они, никакъ не ожидавшіе нашей передачи ихъ Туркамъ, съ той поры начали охладѣвать къ намъ. Это — естественно. Въ 1788 г. опять вспыхнула война между Россією и Турцією, и Екатерина опять подстрекнула Грековъ къ возстанію; но уже не въ Мореѣ, а въ Эпирѣ и опять отдала ихъ Туркамъ, уступая угрозамъ Англіи и Пруссіи. Греки помнятъ это и опасаются насъ. Въ 1821 г. произошло общее возстаніе Грековъ. Тогда имъ не сочувствовалъ и не помогаль Александръ Павловичъ. Его равнодушіе, замедлившее борьбу Эллиновъ съ Турками, не забыто ими. Возстаніе, о которомъ я сейчасъ припомнилъ вамъ, кончилось освобожденіемъ Эллады отъ Турецкаго ига послѣ

Лондонской конференціи державъ 3 Февраля 1830 г. Съ сей поры Греки начали надѣяться болѣе на Францію, Англію и на себя, чѣмъ на Россію. Съ 1830 г. наше правительство неизбѣжно вмѣшалось въ узловатое дѣло объ имѣніяхъ, принадлежащихъ Гробу Господню, Синаю, Аѳону и патриархамъ Александрійскому и Антиохійскому въ Валахіи и Молдавіи, и настаивало, чтобы владѣльцы оныхъ имѣній давали опредѣленную часть огромныхъ доходовъ своимъ правительствамъ Валахскому и Молдавскому на общественныя надобности. Эта настойчивость наша, совершенно справедливая, къ сожалѣнію, столкнулась съ корыстолюбіемъ, надменностью и упрямствомъ Грековъ и произвела въ нихъ охлажденіе къ намъ. Тутъ мы виноваты безъ вины. Вдобавокъ ко всему этому, восточные патриархи опасаются, какъ бы и Болгарія не отдѣлилась отъ вселенскаго патриарха по примѣру Сербіи, Валахіи, Молдавіи и Элады, кои всѣ взираютъ на Россію, давно неподвѣдному сему патриарху. Таковы политическія причины нерасположенности къ намъ высшаго духовенства Греческаго. Угодно ли вамъ узнать причины церковныя?

Посолъ. Любопытно.

Я. У Грековъ и у насъ одни и тѣже догматы и правила святыхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, одинъ и тотъ же уставъ богослуженія и одни и тѣже начала церковнаго управленія. Но сіе тождество, кромѣ догматовъ, существуетъ только въ книгахъ и въ воображеніи, а въ дѣйствительности оно не цѣльно. Мы разнимся отъ Грековъ во многомъ, повторяю—кромѣ догматовъ. Не стану перечислять вамъ всѣ на всѣ разности, дабы не показалось вамъ, что мы въ отношеніи къ Греческой церкви схизматики, но о нѣкоторыхъ изъ нихъ упомяну. Греки, вѣрные Евангельскому ученію, воспрещаютъ всякую присяжную клятву, кромѣ ей-ей, ни-ни; а у насъ, въ противность Евангелію, узаконена клятвенная присяга, и еще какая? Клянусь Всемогущимъ Богомъ, вмѣсто предъ Всемогущимъ Богомъ. Въ Греческой церкви браки совершаются въ дальнихъ степеняхъ родства, а у насъ и въ близкихъ. Мы принимаемъ Католиковъ и Протестантовъ въ ограду своей церкви безъ перекрещиванія ихъ, а Греки вновь крестятъ ихъ, какъ еретиковъ. У насъ уже давно нѣтъ ежегодныхъ архіерейскихъ соборовъ, заповѣданныхъ правилами церкви вселенской, а у Грековъ нерѣдко бываютъ такіе соборы, хотя они и подъ игомъ иновѣрнымъ находятся. Греки весьма строго соблюдаютъ тѣ церковныя правила, которыми назначенъ 30-лѣтній возрастъ для рукоположенія въ священника и 25-лѣтній—въ діакона, и воспрещено въ іерейскій санъ возводить поповичей, а повелѣвается избирать въ іереи изъ всѣхъ сословій; у насъ же въ іерейскій и діаконскій санъ рукополагаются только поповичи, да и тѣ въ лѣтахъ весьма молодыхъ, что отталкиваетъ отъ насъ раскольниковъ. По одному изъ началъ церковнаго управленія во всей вселенской церкви существуетъ единое епископствованіе, и потому каждый епископъ отвѣчаетъ за цѣлость православія не только въ своей паствѣ, но и въ паствахъ другихъ епископовъ. Такая круговая отвѣтственность возможна и благотворна только тогда, когда всѣ епископы наблюдали бы другъ за другомъ, Греческіе за нашими, а наши за Греческими, наблюдали бы посредствомъ своихъ духовныхъ посланниковъ

при патріархахъ и владыкахъ автокефальныхъ церквей, каковыя посланники древле назывались апокрисиаріями, т. е. отвѣчающими. А гдѣ такіе посланники? Ихъ нѣтъ. Наше свѣтское посольство въ Константинополь вѣдаетъ и церковными дѣлами на Востокѣ; но его вмѣшательство въ эти дѣла противно дипломатіи церковной, по уложенію которой апокрисиарій долженъ быть не превосходительство, а высокопреподобіе или преосвященство. Соблюсти такое уложеніе надлежало бы намъ, свободнымъ и небѣднымъ, а у насъ никто не думаетъ о немъ. Другое начало церковнаго управленія гласитъ такъ: законодательная власть церкви, сосредоточенная во вселенскихъ соборахъ, есть сила и благо; а гдѣ у насъ сосредоточенность законодательная, *centralisation législative*? Нашъ Святѣйшій Синодъ есть власть исполнительная, но отнюдь не законодательная. Въ древнія времена законодательствовали вселенскіе соборы. Вселенско-соборное законодательство необходимо нужно и въ наши дни. Напримеръ: вселенскій соборъ снялъ бы проклетіе съ нашихъ единовѣрцевъ и раскольниковъ, которое ихъ отталкиваетъ отъ насъ; онъ ввелъ бы вездѣ однообразное богослуженіе, нѣсколько разрозненное неумѣлыми исправленіями церковныхъ книгъ; онъ благословилъ бы христіанъ поститься по слову Евангельскому: аще хочещи поститься. Но къ сожалѣнію, государственныя власти тамъ-сямъ руководствуются своимъ особымъ принципомъ: *divide et impera*. Таковы церковныя причины нерасположенности къ намъ Греческихъ іерарховъ. (Я хотѣлъ сказать снисходительно, и въ оправданіе снисходительности ихъ къ намъ высказать третье правило шестого вселенскаго собора, которымъ заповѣдано соблюдать въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ челоуѣколюбіе и снисхожденіе). Но Горчаковъ, которому, какъ я замѣтилъ, правда колола глаза, прервалъ меня, сказавши: Довольно, довольно!.. Долго ли вы пробудете здѣсь? Нѣсколько дней, отвѣтилъ я ему и раскланялся съ нимъ. NB. Впослѣдствіи оказалось, что разговоръ мой произвелъ въ немъ сильное впечатлѣніе не въ пользу мою“.

30 Августа Порфирій былъ уже въ Варшавѣ. Будучи за молебномъ въ кафедральномъ соборѣ, передѣланномъ изъ костеля, онъ видѣлся со многими генералами и съ фельдмаршаломъ Паскевичемъ. „Этотъ орелъ устарѣлъ!“ заключаетъ Порфирій.

Пробылъ Порфирій въ Варшавѣ пять дней. „Въ эти дни, пишетъ онъ, я обозрѣлъ Варшаву и старую, и новую. Разглагольствовалъ о Востокѣ съ кафедральными отцами: протоіереемъ и ключаремъ; выслушивалъ ихъ разглагольствованія и запасся свѣдѣніями о Варшавской епархіи.

Кафедралы рассказывали мнѣ разные анекдоты, одни другихъ занимательнѣе.

1. Когда великій князь Константинъ Павловичъ управлялъ Польшею, тогда Волынскому архіерею Амвросію вздумалось видѣть православную церковь въ Варшавѣ и самый городъ сей. Не испросивши позволенія его высочества, Амвросій пріѣхалъ туда съ своимъ причтомъ и съ архимандритомъ Герооеемъ. Варшавскій губернаторъ Курута (Грекъ) доложилъ о пріѣздѣ его Константину Павловичу. Великій Князь разсердился, однако пожелалъ принять архипастыря.

Когда Амвросій явился къ нему въ Бельведерь, его высочество долго не выходилъ изъ своихъ покоевъ въ пріемную горницу; вышедши же грозно спросилъ архіерея: откуда ты? Преосвященный отвѣтилъ: изъ Волыни.

— Но зачѣмъ ты пріѣхалъ сюда?

— Для обозрѣнія церквей, подвѣдомыхъ мнѣ.

— Здѣсь ихъ только двѣ (въ Варшавѣ и Калишѣ). Итакъ обозрѣніе ихъ не стоило труда. Ты женатъ?

— Я епископъ.

— Что жъ? Развѣ не сказалъ апостоль: епископу подобаеъ быти мужу единыя жены? Съ симъ словомъ великій князь повернулся круто и оставилъ архіерея въ величайшемъ недоумѣніи и смущеніи. Однако Амвросій, несмотря на такой жестокой пріемъ, служилъ обѣдню въ такъ называемой Подвальной церкви, а Курута угостилъ его сытнымъ обѣдомъ.

IV. Разговоръ его высочества съ Амвросіемъ слышали сопровождавшіе сего преосвященнаго архимандритъ Героеей и каѳедральный протопопъ Новицкій.

II. Когда великій князь Михаилъ Павловичъ, въ бытность свою въ Варшавѣ, началъ кончаться, тогда одинъ изъ адъютантовъ его поскакалъ за священникомъ, который исповѣдалъ бы его и пріобщилъ Св. Таинъ, но не засталъ дома ни протоіерея Новицкаго, ни ключаря Лотоцкаго, ни протопопа Лазенковской придворной церкви. Догадливая жена сего послѣдняго сказала гонцу, что мужъ ея гоститъ въ такомъ-то домѣ. Адъютантъ поскакалъ туда, нашелъ его тамъ и съ нимъ отправился къ великому князю. Но въ это время у него уже отнялся языкъ. Посему Лазенковскій отецъ не могъ исповѣдать его, хотя считался духовникомъ его. Въ эти дни Варшавскій архіепископъ Арсеній обозрѣвалъ свою епархію. Надлежало бы дать ему знать о смерти его высочества; но протоіерей Новицкій, желая первенствовать у гроба его и провожать тѣло въ Петербургъ, не сдѣлалъ сего и на предложеніе сослужителей своихъ увѣдомить архипастыря о печальномъ событіи, отвѣчалъ, что это не угодно фельд-маршалу Паскевичу. Когда въ соборъ вынесли тѣло царственнаго покойника, Новицкій захотѣлъ первенствовать въ священнослуженіи; Лазенковскій протопопъ, какъ духовникъ, не уступилъ ему первенства. Что же вышло отъ упорнаго соревнованія ихъ? Оба протоіерея стали рядомъ и оба говорили одинъ и тотъ же возгласъ: Яко ты еси воскресеніе... къ соблазну предстоявшихъ у гроба. Однако, тѣло провожалъ протоіерей Лазенковскій и въ Петербургѣ получилъ мзду свою; Новицкій же остался дома и награжденъ былъ гнѣвомъ архипастыря своего.

III. Государь Николай Павловичъ, когда бываетъ въ Варшавѣ, ни слова не говоритъ въ собраніяхъ съ епископами Римско-католическими, а съ суперъ-интендентомъ протестантскимъ разговариваетъ мило, спрашивая его о благосостояніи вѣрной ему паствы въ Польшѣ.

VI. Было давно. Попечитель Кіевскаго учебнаго округа фонъ-Брадке обозрѣвалъ гимназію въ Ровнѣ. Послѣ обѣда у законоучителя ея, протоіерея

Лотоцкаго, онъ, закуривъ сигару, вздумалъ позвать къ себѣ ученика третьяго класса изъ Поляковъ, дабы узнать, какого духа онъ и сверстники его родичи. Позванъ былъ лучшій ученикъ, лѣтъ 14-ти. Бродке спрашивалъ его, а тотъ отвѣчалъ:

- Любишь-ли ты Бога?—Люблю.
- Любишь-ли ты всѣхъ людей?—Люблю.
- Любишь-ли ты христіанъ?—Люблю.
- Любишь-ли ты православныхъ Русскихъ?
- Ни, ни, ни. Боже упаси меня отъ нихъ!
- Любишь-ли ты протестантовъ?
- Еще болѣе не люблю ихъ.
- А я протестантъ.
- Ученикъ испугался, заплакалъ и сквозь слезы проговорилъ: простите меня; я не зналъ, что вы протестантъ.

V. Ключарь Варшавскаго собора Аѳанасій Лотоцкій, переведшій на Польскій языкъ разсужденіе студента Кіевской академіи Гогоцкаго о главенствѣ папы, далъ этотъ переводъ свой прочесть ректору Варшавской Католической Академіи. Какъ же отозвался о немъ сей ректоръ? „Я прочелъ вашъ переводъ, сказалъ онъ Лотоцкому, и прошу васъ знать, что если бы не было догмата о главенствѣ папы, то надлежало бы выдумать его“.

VI. Когда нашъ архіепископъ Смарагдъ былъ еще учителемъ въ Кіевской Духовной Академіи, тогда преподавалъ студентамъ полемическое богословіе и внушалъ имъ, что Римская церковь заблуждается, признавая источниками вѣры не одно Священное Писаніе, а и Преданіе. Не зналъ онъ, малосвѣдущій, что и православная церковь руководствуется кромѣ Писанія и Преданіемъ.

VII. Во время святительства въ Тамбовѣ нынѣшняго Варшавскаго архіепископа Арсенія сильно распространилось тамъ духоборство при помощи мѣстныхъ богатыхъ купцовъ и при корыстномъ бездѣйствіи тамошняго гражданскаго начальства. Ревностный архипастырь, желая искоренить эту ересь, дважды представлялъ дѣло о ней Св. Синоду съ показаніемъ надлежащихъ мѣръ къ истребленію зла. Но дважды отвѣчали изъ Петербурга: молчи, не достигнешь своей цѣли. Кто же писалъ такой отвѣтъ? Архіепископъ Григорій, поборникъ Православія. Однако преосвященный Арсеній не умолялъ. Случилось, что Государь Императоръ Николай Павловичъ остановился въ Тамбовѣ по случаю поврежденія ключицы въ плечѣ его. Этимъ случаемъ воспользовался названный архипастырь и, не смотря на разныя препятствія видѣть выздоравливающаго Государя, сподобился желанной аудіенціи, въ теченіе полутора часа бесѣдовалъ съ нимъ о духоборствѣ и успѣлъ склонить его къ принятію мѣръ для искорененія этой ереси. Государь, возвратившись въ свою столицу, сопричислилъ Арсенія къ ордену Св. Владимира второй степени, а въ Тамбовъ послалъ своего флигель-адъютанта для разслѣдованія дѣла. Слѣдствіе кончилось тѣмъ, что многіе головы духоборцевъ были сосланы въ Сибирь.

VIII. Было давно. Черниговскій архіепископъ Лаврентій, какъ посѣтитель душъ, пріѣхалъ въ раскольничье село своей епархіи, именно Добрянку, и, созвавши жителей его, увѣщевалъ ихъ присоединиться къ православной церкви. Увѣщаніе его подѣйствовало на нихъ такъ, что они начали поддаваться. Но къ несчастію, архіепископъ, вынимая изъ своего кармана платокъ, дабы утереть имъ вспотѣвшее лицо свое, вмѣстѣ съ нимъ выхватилъ табакерку; она упала на полъ, изъ нея разсыпалось антихристово зеліе и одурманило раскольниковъ такъ, что они опрометью убѣжали отъ сладкоглаголиваго, но табачнаго проповѣдника чистаго Православія.

IX. При (покойномъ) митрополитѣ Петербургскомъ Серафимѣ министры и оберъ-прокуроръ Св. Синода сговорились между собою узаконить постановленіе, чтобы въ монашество всѣ постригаемы были не ранѣе 50-ти лѣтъ. Цѣль ихъ умысла понятна: тогда всѣ наши архіереи были бы дряхлые старики, а при дряхлости ихъ всѣ церковныя дѣла попали бы въ руки чиновникамъ. Государь передалъ сіе дѣло въ Синодъ на заключеніе, согласное съ мнѣніемъ митрополита. Но митрополитъ Серафимъ поѣхалъ къ нему и убѣдилъ его не нарушать древнихъ правилъ и обычаевъ православной церкви, касающихся монашества и епископовъ“.

Седьмой томъ „Книги бытія моего“ начинается съ пріѣзда Порфирія въ Петербургъ 2 Октября 1854 г.

„Пишу о своемъ первомъ свиданіи съ митрополитомъ Никаноромъ. Онъ принялъ меня сухо и, проговоривши, давно мы ожидаемъ васъ, спросилъ: зачѣмъ вы ѣздили въ Римъ? Я отвѣтилъ: туда увлекло меня желаніе поклониться мощамъ святыхъ Апостоловъ Петра и Павла и изучить древнѣйшіе памятники христіанскаго зодчества и иконописанія.—Но вамъ не было позволено ѣздить туда, возразилъ онъ деспотически и отпустилъ меня съ наказомъ, чтобы я съ просьбами моими обращался къ его намѣстнику.

Намѣстникъ указалъ мнѣ двѣ грязныя кельи въ верхнемъ жилѣхъ подлѣ лаврскаго собора, у южной стороны его. Въ одной изъ нихъ помѣстился я, а въ другой служившій при мнѣ въ Іерусалимѣ студентъ семинаріи Петръ Соловьевъ. Насъ раздѣляли холодные сѣни.

Моя поѣздка въ Римъ, какъ сдается, взбудоражила духовное начальство. За неудовольствіемъ его скрывается что-то таинственное. Не явился ли въ Питеръ дьяволь ранѣе меня и не нашепталъ-ли, что я въ Римѣ сдѣлался католикомъ? Время раскроетъ сію тайну.

4. Понедѣльникъ. Въ часъ пополудни я по долгу службы явился въ Азіатскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Директоръ его Николай Ивановичъ Любимовъ*) принялъ и проводилъ меня ласково, разпросивъ о политическомъ проявленіи умовъ въ Италіи и Австріи. Товарищъ же

*) Н. И. Любимовъ, воспитанникъ Московскаго университета, пріятель П. А. Плетнева, человекъ благожелательный, отиѣнно-просвѣщенный и оставившій по себѣ добрую память, какъ въ службѣ, такъ и въ обществѣ. Гдѣ остались послѣ него бумаги? П. Б.

канцлера Левъ Григорьевичъ Сенявинъ чрезъ Любимова просилъ меня придти къ нему въ Среду, во второмъ часу пополудни. Въ министерствѣ мнѣ два теплые вѣтра вѣютъ и два солнца грѣютъ.

6. Среда. А въ духовномъ вѣдомствѣ обдалъ меня холодъ. Оберъ-прокуроръ Протасовъ, выслушавъ вызванный имъ самимъ разсказъ мой объ аудіенціи моей у папы, и только этотъ разсказъ, простился со мною, отвернувшись отъ меня по-солдатски, направо кругомъ. За то и душа моя стала къ нему задомъ. Директоръ канцеляріи его, Сербиновичъ¹⁾, принялъ меня и отпустилъ, ни о чемъ не спросивши и извинившись какимъ-то недосугомъ. А милый Сенявинъ обласкалъ меня, какъ нельзя лучше, и обѣщался поддерживать всѣми силами. И—одинъ и тотъ же; но въ глазахъ однихъ я бѣлъ, въ глазахъ другихъ я черенъ. Истинны слова Господа: не можете работать двумъ господамъ; одинъ возлюбить, а другой возненавидитъ“.

Превосходную характеристику Петербургскаго митрополита Никанора далъ намъ о. Морошкинъ²⁾.

„Никаноръ получилъ образованіе въ Троицко-Сергіевской семинаріи. Въ 1826 г. былъ епископомъ Ревельскимъ, въ 1831 г.—Калужскимъ, 1834—Минскимъ, 1840—Волинскимъ, 1843—архіепископомъ Варшавскимъ, 1848—Новгородскимъ, т. е. Петербургскимъ. † 1856 г. 17 Сентября.

Въ Варшаву, писалъ о. Морошкинъ, Никаноръ былъ переведенъ въ 1843 г., вмѣсто Антонія, съ оставленіемъ однакоже за нимъ и управленія Волинскою епархіею и званія священно-архимандрита Почаевской лавры. Онъ находился въ это время въ Петербургѣ и, при отбытіи къ новому своему назначенію, удостоился прощальной аудіенціи у Государя. По уравненному уже Антоніемъ пути ему только оставалось дѣйствовать въ томъ же духѣ; а у него было довольно практическаго благоразумія, природной и заученной любезности, кротости и ласковости, чтобы удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Между тѣмъ, частыя посѣщенія Варшавы Государемъ и членами царственнаго дома представляли для Никанора самые удобные случаи болѣе и болѣе дѣлаться извѣстнымъ всей царской фамилии, и когда лейбъ-медикъ Арендтъ объявилъ, что положеніе Антонія безнадежно, почти все Петербургское духовенство было увѣрено, что мѣсто его займетъ Никаноръ. Предположенія эти оправдались: еще во время болѣзни Антонія, Никаноръ возведенъ былъ въ санъ митрополита Новгородскаго, съ порученіемъ управлять и С.-Петербургскою епархіею; по смерти-же перваго ему повелѣно быть митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ. Съ радостью и надеждою встрѣтила Петербургская паства новаго своего архипастыря: въ памяти ея жили еще годы

¹⁾ Уніатъ К. С. Сербиновичъ, нѣкогда бывшій писцомъ у Карамзина, возвышенъ по службѣ графомъ Д. Н. Глуловымъ. Онъ и А. И. Войцеховичъ возымѣли большое значеніе въ Св. Синодѣ, и наши церковныя власти, какъ напр. Иннокентій Борисовъ, должны были въ нихъ занскивать П. Б.

²⁾ Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. т. 113, стр. 117.

его викариатства здѣсь, и всѣмъ были извѣстны его кротость и любезность. С.-Петербургскій кафедральный протоіерей, въ привѣтственной рѣчи своей къ Никанору, назвалъ его желаннымъ. Дѣйствительно, послѣ несправедливаго, притѣснительнаго и продажнаго управленія тогдашняго С.-Петербургскаго викарія Наанаила, распорядившагося самовластно въ епархіи во все время болѣзни Антонія, Никаноръ былъ для Петербургскаго духовенства истиннымъ счастьемъ. Всѣ ожидали отъ него много добраго, и ожиданія эти сбылись, по крайней мѣрѣ отчасти: онъ не употреблялъ мѣръ строгихъ и жестокихъ, хотѣлъ быть доступнымъ и внимательнымъ къ своимъ подчиненнымъ и былъ съ ними кротокъ. Но, къ несчастію, особенная привязанность и слѣпая довѣренность къ вывезенному имъ изъ Волыни секретарю Навроцкому вскорѣ убавили уваженіе къ Никанору. Ректоры академіи и семинаріи, секретари консисторій, подъ защитою Навроцкаго дѣлали что хотѣли. Митрополитъ торжественно превозносить наставника, а ректоръ на другой или на третій день подноситъ ему докладъ объ увольненіи его отъ должности, и докладъ утверждается. Многія лица, которыхъ митрополитъ желалъ наградить, оставались безъ награды, потому что не имѣли счастья понравиться его секретарю. Онъ призвалъ къ себѣ престарѣлаго, но еще крѣпкаго въ силахъ священника Князе-Владимирской церкви и сказалъ ему: „Не пора-ли намъ съ тобой отказаться отъ нашихъ мѣстъ?“— „Не знаю, отвѣчалъ священникъ, пора-ли вамъ, потому что не знаю, какъ вы исправляете вашу должность, а мнѣ не пора, потому что я исправенъ въ своей: сегодня я отслужилъ обѣдню, да пять молебновъ, да двѣ всенощныхъ на дому, окрестилъ трехъ младенцевъ; да, если угодно вамъ, отслужу еще всенощную у васъ“. Отвѣтъ такъ поразилъ владыку, что онъ, не найдясь что возразить, безмолвно отпустилъ священника (который потомъ его пережилъ). Во внѣшнихъ своихъ сношеніяхъ Никаноръ, при большой скрытности и двоедушности, былъ ласковъ, любилъ пошутить, дать прозвище, напр., косоглазаго ризничаго Александро-Невской лавры всегда называлъ графомъ Косинскимъ; былъ богатъ правилами практической жизни и, подъ вѣчною улыбкою на устахъ, умѣлъ таить радость и горе, злобу и любовь, досаду и удовольствіе“.

Конецъ дневника 1854 года Порфирій заключаетъ такъ: „Иstekшій годъ былъ замѣчательный годъ въ моей жизни. Въ теченіе его я нажалъ множество сноповъ чистой и вѣской пшеницы и возложилъ ихъ на алтарь науки. Помогалъ же мнѣ во всемъ Богъ, Податель разума и вѣдѣнія. Хвала Ему! Аминь. Spero dum spiro! *)“.

На первой страницѣ своего дневника за 1855 годъ Порфирій заноситъ такія характерныя слова. „Человѣкъ, яко трава дніе его, яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтетъ. Въ часъ пополудни подъ шестнадцатый день текущаго мѣсяца волею Божіею скоропостижно скончался оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Протасовъ отъ болѣзненнаго расширенія сердца. Приглашенный къ нему священникъ уже не успѣлъ исповѣдовать его и причастить Святыхъ Таинъ, и

*) Надѣюсь пока дышу.

только прочель отходную молитву. Sic transit gloria mundi! Sic ex medio vivorum extirpantur potentes! Est Deus, Qui ad Suum terribile judicium appellat homines usurpantes sanctae ecclesiae jura ¹⁾).

Исправленіе должности оберъ-прокурора поручено старшему въ Синодѣ чиновнику Александру Ивановичу Карасевскому ²⁾). Это человекъ большого роста съ небольшимъ умомъ. Слышно, что одинъ дежурный чиновникъ Св. Синода хотѣлъ было ночью выдать раскольникамъ отобранныя у нихъ книги; но часовой солдатъ, увидѣвъ его съ ящичкомъ, окликнулъ его. Окликнутый испугался, бросилъ ящикъ и убѣжалъ. А взялъ онъ съ раскольниковъ 2000 руб., или эти деньги были обѣщаны ему. Такимъ образомъ книги остались въ синодѣ.

Еще слышно, что Протасовъ, зная продѣлки синодскихъ секретарей, замедлившихъ дѣла и увѣдомлявшихъ о ходѣ ихъ ради корысти своей, рѣшился смѣнить ихъ всѣхъ. Но смерть его остановила это справедливое и благое дѣло.

Небрежное отношеніе къ отобраннымъ у раскольниковъ иконамъ и рукописямъ—явленіе обычное. Продажа этихъ священныхъ предметовъ изъ консисторій совершалась безъ всякаго затрудненія. О рукописяхъ о.о. члены консисторій не имѣли, очевидно, никакого понятія. Въ моемъ собраніи есть рукопись: „Лусидарій“, арестованная у раскольника, съ консисторской печатью и надписью на ней, что это есть богопротивное, раскольничье сочиненіе“.

Пророческія сновидѣнія не покидали Порфирія.

Замѣчательно, какъ монахи, а въ особенности архіереи, любятъ подробно записывать свои сновидѣнія. Въ моемъ собраніи есть дневникъ Енисейскаго архіерея Никодима Казанскаго († 1874 г.). Дневникъ очень обширенъ, за много лѣтъ, но, кажется, добрая половина его наполнена описаніями бывшихъ ему сновидѣній.

6 Января 1856 г., пишетъ Порфирій, я вмѣстѣ съ митроп. Никаноромъ служилъ литургію въ большой церкви Зимняго дворца и ходилъ на Иорданъ на Невѣ-рѣкѣ. Митрополитъ не читалъ ни литургійныхъ молитвъ, ни молитвы на освященіе воды, дабы не удерживать царской фамиліи продолжительностью священнодѣйствій. Непростительное человекоугодіе! Замѣчательное слабоуміе! Когда Императоръ спросилъ, почему митрополитъ не читалъ водоосвятительной молитвы, ему отвѣтили, что онъ прочель ее, идучи къ Иордану. Но Его Величество не былъ доволенъ этимъ ложнымъ отвѣтомъ и сказалъ, чтобы впредь не было никакихъ нарушеній церковнаго устава.

Послѣ освященія воды всѣ члены Св. Синода, митрополитанскій викарій Христофоръ и я обѣдали въ какой-то небольшой горницѣ дворца. Обѣдъ былъ

¹⁾ Такъ проходитъ слава мірская! Такъ изъ среды живыхъ исторгаются владыки. Есть Богъ, зовущій къ Своему страшному судилищу людей, оскорбляющихъ права святой церкви.—Порфирій не зналъ, что Николай Павловичъ для этого и назначилъ графа Протасова об.-прокуроромъ Синода, чтобы править имъ самому и что въ этомъ виновны тогдашніе члены Синода. П. Б.

²⁾ Острое слово А. С. Хомякова: имя Карасевскаго напоминаетъ о рыбной пицѣ. П. Б.

сытный, но, къ удивленію моему, за столомъ не было ни министра двора, и никакого сановника, даже мелкаго. Угощали насъ одни лакеи. У одного изъ нихъ викарій Христофоръ попросилъ икры къ пирогу, но тотъ сказалъ ему: Батюшка, здѣсь этого не водится. Это поразило меня такъ, что я ничего не ѣлъ и не пилъ. Если такъ поступаютъ съ высшимъ духовенствомъ въ чертогахъ царскихъ, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что наши бояре потчуютъ своихъ священниковъ рюмкою водки и кускомъ пирога въ своихъ кухняхъ. *Exempla trahunt* *). За столомъ никѣмъ не было занято одинъ стулъ. Замѣтивъ это, царскій духовникъ Бажановъ обратился ко мнѣ и спросилъ меня: чей этотъ стулъ? Я промолчалъ, а на повторенный вопросъ этотъ отвѣтилъ: это—стулъ патріарха. Бажановъ прикусилъ свой сорочій язычекъ.

Носится слухъ объ унижительномъ для Россіи заключеніи мира. Всѣ высокопоставленные ропщутъ и уступчивую торопливость Императора объясняютъ нетерпѣливымъ желаніемъ его начать внутреннія преобразованія.

1 Ноября, сегодня я былъ у Андрея Николаевича Муравьева. Онъ повѣдалъ мнѣ, что новый оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Александръ Петровичъ Толстой предубѣжденъ противъ меня, не постившагося въ Иерусалимѣ и извѣстнаго ему еще по Одессѣ.

Не знаю, кто и кто внушилъ ему, что я вмѣстѣ съ подчиненными мнѣ лицами, изъ которыхъ три были міряне, ѣлъ скромное въ Иерусалимѣ, гдѣ нечего болѣе есть и гдѣ всѣ владыки и монахи, по древнему обычаю, вкушаютъ пищу мясную; а въ Одессѣ, гдѣ Толстой недолго былъ градоначальникомъ, а я профессоромъ въ Лицеѣ, настроилъ его противъ меня извѣстный у насъ Магницкій, вмѣстѣ съ которымъ онъ воевалъ противъ графа Воронцова, любившаго меня крѣпко, Магницкій, кѣмъ-то описанный вотъ такъ:

Безъ денегъ—пуристъ,
За деньги—атеистъ,
На тайной вечерн—Гуда,
Магнитскій—чудо.

Этотъ-то Магницкій, неоднократно ссылаемый въ Ревель, Одессу и, наконецъ, въ Херсонъ, Магницкій, отъ котораго Одесскіе друзья мои предостерегали меня, какъ отъ чумы, и который, видя холодность мою къ нему, не любилъ меня и даже въ проповѣдяхъ моихъ отыскивалъ укорины себѣ (о чемъ я не помышлялъ), этотъ человекъ, дружа съ графомъ Толстымъ и вмѣстѣ съ нимъ порицая управленіе Воронцова и написавшій на него доносъ Государю Николаю Павловичу, наговорилъ ему, что я неправославенъ, что я *esprit fort et sceptique*, и не подвижникъ. Это было давно. Однако дикое эхо наговоронъ его отзывается и теперь въ душѣ Толстого. Злопамятенъ же онъ! Зла и жена его. Бывало въ Одессѣ, она, собираясь къ обѣднѣ, одѣлать пощечинами всѣхъ своихъ горничныхъ за неловкое одѣваніе ея.

А. Н. Муравьевъ рассказалъ мнѣ, что всѣ члены Синода недовольны самовластіемъ своего оберъ-прокурора, который не согласился обнародовать

*) Примѣры увлекають.

новый переводъ Новаго Завѣта на Русскій языкъ, переводъ, о которомъ всѣ архипастыри разсуждали въ Москвѣ во время коронаціи Государя и рѣшили печатать его. Протопресвитеръ Бажановъ даже сказалъ въ Синодѣ, что имъ остается разсуждать только о пьяныхъ дьячкахъ. Государь повелѣлъ потребовать мнѣнія Московскаго митрополита Филарета объ этомъ переводѣ. По этому дѣлу оберъ-прокуроръ ѣдетъ въ Москву.

Онъ противъ воли Синода испросилъ у Государя позволеніе употребить 200000 рублей на расширеніе и украшеніе синодальной церкви, дабы она была образцовою. Для сего прикупить часть сенатскаго дома, смежнаго со зданіемъ синодальнымъ.

Онъ же и противъ воли Синода желаетъ вызвать въ Петербургъ Камчатскаго и Алеутскаго епископа Иннокентія для того только, чтобы посмотрѣть на него. Напрасно члены Синода говорили ему, что не должно отрывать этого святителя отъ дѣла его, и что у него нѣтъ викарія, который замѣнилъ бы его на время: Толстой настоялъ на своемъ.

Бываетъ несчастное время, когда стѣсняютъ кругъ благотворной дѣятельности даровитыхъ людей. Таково наше время. Недавно отсюда услали въ Казань умнаго ректора Петербургской семинаріи архимандрита Іоанна и на мѣсто сокола посадили ворону, архимандрита Нектарія, вызваннаго изъ Кіева на чреду священнослуженія. Ректора Академіи, преосвященнаго Макарія удалили въ Тамбовъ, гдѣ онъ будетъ судить пьяныхъ церковниковъ и гдѣ едва-ли продолжитъ исторію нашей церкви, которой только первыя три части обнародованы на дняхъ. Онъ не имѣлъ счастья понравиться новому митрополиту-ригористу“.

Въ своихъ Запискахъ Порфирій горько сѣтуетъ, что въ Іерусалимскую миссію назначили вмѣсто него епископа Одесскаго Поликарпа Радкевича. Этотъ Поликарпъ пріѣхалъ въ Петербургъ. „Сегодня въ 10 часовъ пополудни я былъ у него въ первый разъ. Онъ не разспрашивалъ меня объ Іерусалимѣ, а только говорилъ о себѣ и о томъ, какъ бы жить ему тамъ удобнѣе. Отъ него слышала я, что имъ приглашены въ Іерусалимъ два монаха изъ Оптиной пустыни, куда онъ нарочито заѣзжалъ изъ Воронежа, и что митрополитъ Григорій велѣлъ ему подать записку объ увеличеніи числа членовъ миссіи однимъ діакономъ.“

12-го Августа фрейлина Эйлеръ письмомъ изъ Вильбада увѣдомила меня, что великій князь Константинъ Николаевичъ, недовольный выборомъ „блаженныхъ нищихъ духомъ на служеніе въ Іерусалимъ, гдѣ съ голубиною кротостію должна сочетаваться мудрость змѣиная, признавалъ за нужное дополнить нищету духа избранныхъ туда лицъ моими дарованіями и опытностію. Однако, къ удивленію моему, до сей поры еще не объявлены мнѣ ни приказъ, ни отказъ ѣхать въ Святой градъ, хотя князь Горчаковъ въ сильныхъ выраженіяхъ требовалъ меня у Синода. Медленность сего дѣла беспокоитъ меня, а таинственность пугаетъ.“

Епископъ Поликарпъ усиливается устранить меня отъ дѣла Божїа, говоря, что ему визирь не нуженъ. Но если онъ не султанъ, то и я не визирь. Я священникъ Бога Вышняго, и ни ему, и никому не позволю называть себя иначе. Время покажетъ: пожертвуютъ-ли дѣло капризу преосвященнаго старика.

День 15-й. Этотъ старикъ осмѣянь и устранень отъ дѣла Божїа въ Іерусалимѣ. Какъ? Онъ въ первое свиданіе свое съ министромъ Горчаковымъ предъявилъ ему, что поѣдетъ въ Святый градъ только тогда, когда дадутъ ему въ распоряженіе не менѣе 300000 рублей на нужды Палестинской церкви. Такое предъявленіе показалось министру весьма страннымъ и сразу убѣдило его, что Поликарпъ малоумень и потому не можетъ быть начальникомъ миссіи. Подъ вліяніемъ такого убѣжденія Горчаковъ увѣдомилъ Синодъ, что онъ признаетъ сего архіерея неспособнымъ къ дѣламъ на Востокѣ и просилъ избрать на мѣсто его кого-либо другого. Синодъ выбралъ епископа Мелитопольскаго Кирилла *).

По поводу этого назначенія Порфирій пишетъ: „Прощай, Святый градъ! Не жить мнѣ тамъ. Пригласили меня туда даже именемъ высочайшихъ особъ и снова оттолкнули. Какимъ же чудомъ одинъ и тотъ же я въ одно и то же время нуженъ и ненуженъ, полезенъ и неполезенъ, свѣтель и темень? Если о мнѣ сказано, какъ о сладчайшемъ Иисусѣ, что я—ядца и винопійца и другъ грѣшникамъ и грѣшницамъ, то я принимаю на себя это безславіе, какъ мутную волну принимаетъ утесъ, на вершинѣ котораго растутъ плодоносныя древа. Но ежели считаютъ меня неспособнымъ представлять нашу церковь на Востокѣ, потому-де что я не убѣжденъ въ правотѣ ея, то ошибаются жестоко. Я родился, выросъ, возмужалъ, состарѣлся и умру подъ сѣнію алтаря Русскаго. Любовь моя къ отечеству и царю пламенна. Союзъ мой съ возродившею меня церковію нерушимъ. Убѣжденія мои въ правотѣ ея уяснены во мнѣ болѣе, чѣмъ въ комъ-либо. Когда я говорю духовнымъ и мірянамъ о разностяхъ между нашею и Греческою церковью, тогда одни изъ нихъ молчатъ, не умѣя разсуждать объ этомъ предметѣ, а другіе несправедливо укоряютъ Грековъ въ отступленіи отъ Православія. Лишь я одинъ знаю примирительное начало, подъ которое коль скоро подведу эти разности, онѣ тотчасъ теряютъ свое значеніе. И, не смотря на то, меня мучатъ, какъ невѣрнаго. О, зачѣмъ мнѣ суждено имѣть большую извѣстность? Лодочки спокойно стоятъ въ пристани, а боевой корабль среди океана обуреваемый грозными волнами. Тростинки растутъ роскошно на сырой землѣ, а кедръ на высотѣ каменистаго Ливана расщепывается молніею. О, недруги мои, дайте мнѣ безвѣстность! Дайте мнѣ покой! Я васъ прощаю.

Синодъ и графъ Толстой хотѣли послать въ Іерусалимъ меня въ санѣ епископа, но воспротивился имъ князь А. М. Горчаковъ.

*) Кириллъ былъ въ Іерусалимѣ до 22 Іюня 1863 года, послѣ чего за неимѣніемъ вакантной епископской катедры былъ помѣщенъ въ Казанскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, гдѣ † 1866 г.

24 Апрѣля, Сербиновичъ записочкою своею увѣдомилъ меня, что указъ Св. Синода о поѣздкѣ моей на Востокъ отправленъ къ митрополиту Григорію 22 Апрѣля, и присовокупилъ, что графъ Толстой нетерпѣливо ожидаетъ отъ меня мнѣнія о переводѣ Св. Писанія на Русскій языкъ.

Митрополитъ Григорій лично вручилъ мнѣ выписку изъ онаго указа. Вотъ она: 1. Архимандрита Порфирія, согласно его прошенію, уволить въ отпускъ за границу на Востокъ въ поименованныя въ его прошеніи мѣста, срокомъ на одинъ годъ, для посѣщенія оныхъ съ набожною и ученою цѣлями, и для взятія изъ Іерусалима оставшагося тамъ имущества и бібліотеки.

2. Поручить ему, чтобы онъ представилъ духовному начальству, какія собереть ученія свѣдѣнія о церковной архитектурѣ и живописи, съ присовокупленіемъ описанія церковныхъ утварей, бібліотекъ и архивовъ, и чтобы въ Египтѣ возобновилъ свои сношенія съ Колтскимъ духовенствомъ, котораго вниманіе къ церкви нашей привлечь въ прошедшую свою поѣздку.

3. Для исполненія возлагаемыхъ на него порученій прикомандировать къ нему, въ качествѣ послушника, воспитанника С.-Петербургской семинаріи Благовѣщенскаго съ зачисленіемъ сей командировки въ духовно-учебную службу для должности учителя семинаріи.

4. Сохранивъ архимандриту на все время отсутствія его на Востокъ получаемые имъ нынѣ отъ духовнаго вѣдомства оклады, особо выдать на путевыя издержки 1500 рублей, а воспитаннику Благовѣщенскому 750 рублей, итого 2250 рублей изъ духовно-учебныхъ капиталовъ.

День 27. Получивъ это постановленіе Св. Синода, я письменно просилъ Сербиновича ускорить выдачу мнѣ и Благовѣщенскому 2250 р. и тѣмъ облегчить наше путешествіе въ такой странѣ, какова Турція, гдѣ разновременная пересылка денегъ сопряжена съ большими затрудненіями и убытками, оттого что тамъ во многихъ мѣстахъ нѣтъ ни казенныхъ почтъ, ни банкировъ“.

Просимыя деньги были выданы обоимъ.

Порфирій выѣхалъ изъ Петербурга на АѦонъ 8 Мая 1858 г. Объ этой поѣздкѣ имъ подробно разсказано въ его печатномъ трудѣ: „Второе путешествіе по св. горѣ АѦонской“ (М. 1880 г.). Въ Январѣ онъ отправился въ Константинополь, а оттуда въ Февралѣ уѣхалъ въ Іерусалимъ.

Всѣ страницы дневника Порфирія за это время наполнены описаніемъ иконъ, рукописей, церковной живописи. Изрѣдка попадаются замѣтки такого рода: „Во время нынѣшняго пребыванія моего въ Св. Градѣ мѣстнымъ христіанамъ въ Юлѣ мѣсяцѣ угрожала опасность отъ фанатическихъ магометанъ, наэлектризованныхъ Дамасскою рѣзней. Но грозу эту предотвратили Іерусалимскій паша и командиръ Турецкаго батальона, получившіе денежный выкупъ нашей жизни изъ Святогробской казны. Во дни этой опасности я не трусилъ, однако никуда не выходилъ изъ дома, а порою подшучивалъ надъ самимъ собою, приискивая себѣ убѣжище на кровлѣ дома за трубою, какъ будто тутъ не

увидятъ меня кровопійцы. NB. Избіеніе христіанъ въ Дамаскѣ началось 27 Іюня текущаго года и продолжалось восемь дней. Убиты 3000. Сожжены ихъ дома и церкви, патріархія и Никольская церковь въ ней разрушены.

Въ одинъ изъ пасхальныхъ дней я обѣдалъ у начальника нашей духовной миссіи въ Іерусалимѣ епископа Кирилла. Къ обѣду приглашены были графъ Адлербергъ съ женою-красавицею¹⁾, которая въ великую Субботу, смотря на раздачу христіанамъ благодатнаго огня и на пляску Арабовъ съ этимъ огнемъ вокругъ пуча земли, сказала мнѣ: *c'est suave, mais c'est beau*²⁾. Нашъ вице-консулъ Марабути съ женою-красавицею, выкрестъ Левисонъ, бывшій преподаватель Еврейской словесности въ Петербургской Духовной Академіи, стоявшій задомъ къ св. трапезѣ съ закинутыми на задницу руками во время литургии въ Воскресенскомъ храмѣ и прочіе, и прочіе. Пили Шампанское вино. Разговоры слышались пустыя. Хозяинъ-легкомыслень.

Не легкомысленно ли держать курятникъ на балконѣ своего дома, который видятъ всѣ мимоходящіе? Не легкомысленно ли гулять у святой рѣки Іордана съ княгинею Шаховскою въ бѣлыхъ балахонахъ и съ вѣнками изъ цвѣтовъ на головѣ? Не легкомысленно ли обнимать шею молодой попадьи, привезенной въ Св. Градъ какимъ-то Сабуровымъ изъ Царскаго Села, обнимать на балконѣ и оттуда бросать конфеты и мелкія деньги Арабченкамъ, тогда какъ никто не знаетъ, что эта попадьи родня ему? Не легкомысленно ли въ присутствіи чужихъ людей (лѣкаря Шульца) подавать этой попадьѣ бисеръ, насыпанный у нея между ногами пониже живота, и купаться вмѣстѣ съ нею въ Яффскомъ морѣ? Не легкомысленно ли во время экзамена учениковъ въ Крестномъ монастырѣ, въ присутствіи іерусалимскихъ владыкъ и при мнѣ, сидѣть на креслѣ небрежно и играючи наматывать четки на указательный палецъ?“

Изъ Іерусалима Порфирій выѣхалъ 24 Іюля и прибылъ въ Одессу 12 Августа. Онъ получилъ 16 Сентября телеграмму и отношеніе духовно-учебнаго управленія при Св. Синодѣ: ему разрѣшалось отправиться на 3 мѣсяца за-границу и препровождалось 3000 рубл. Онъ выѣхалъ 20 Ноября въ Константинополь, затѣмъ въ Декабрѣ въ Сирію.

„Сирійскіе уніаты обращаются въ Православіе по видамъ и побужденіямъ корыстнымъ. Іеромонахъ Гавріиль Жебара, муропомазанный въ Константинополь 26 Ноября, не очень благонадеженъ. Православная церковь св. апостола Ѳомы въ Тирѣ починается. Изъ семействъ, пострадавшихъ въ Дамаскѣ и въ другихъ мѣстахъ Сиріи, женщины, лишившіяся своихъ мужей и братьевъ и пришедшія въ Бейрутъ, избавлены нашимъ консульствомъ отъ позорной жизни укрытіемъ ихъ въ наемномъ домѣ и подчиненіемъ надзору. Нѣсколько ихъ помѣщено въ семи комнатахъ, пристроенныхъ къ загородному народному учи-

¹⁾ Знаменитою Амаліею Максимиліановной, рожд. Лерхенфельдъ, въ первомъ бракѣ баронессою Крюднеръ. Она воспитана Ѳ. И. Тютчевымъ. П. Б.

²⁾ Это дико, но прекрасно.

лицу. Кормить же ихъ Турецкое правительство, выдавая ежедневно одинъ піастръ (5 коп.) на душу.

Христіане не возвращаются въ Дамаскъ, потому что боятся тамошнихъ магометанъ, да и не на что имъ обстроиться и обзавестись; ибо Турецкое правительство хоть и обѣщалось вознаградить всѣ убытки ихъ, но до сей поры не исполняетъ своего обѣщанія. Изъ числа пострадавшихъ христіанъ одни живутъ въ Тирѣ, другіе въ Сидонѣ, а больше въ Бейрутѣ. Вотъ уже 20 дней прошли. Фуадъ-паша ни одной парички не даетъ имъ и не кормить ихъ.

Французская императрица Евгенія разсорилась со своимъ мужемъ за Римскаго папу и потому отпушена въ Англію погулять тамъ. Испанцы просили ее, какъ свою соотечественницу, ходатайствовать предъ Наполеономъ III за папу. Но ходатайство ея не уважено.

Я говорилъ Бегеру о продажѣ богатыхъ святогробскихъ и прочихъ имѣній въ Валахіи и Молдавіи тамошнему правительству, и особенно тѣхъ имѣній, кои приобрѣтены покушкою и, выставивъ выгодность этой мѣры для обѣихъ сторонъ, т. е. для онаго правительства и Греческаго духовенства, присоветовалъ, что упорство Святогробцевъ, Синаитовъ, Аѳонцевъ и прочихъ понудить господаря отобрать всѣ имѣнія по праву сильнаго.

24 Декабря, въ девять часовъ пополудни, чугузка покатила меня въ столицу Египта и прикатила въ пять пополудни. Изъ патриархіи за мною прислали къ вокзалу великолѣпную карету, а когда я прѣѣхалъ туда, помѣстили въ темноватой и душной комнатѣ у воротъ, гдѣ встрѣтили и приняли меня сухо архидіаконъ Мелетій и какая-то баба Катерина. Къ постному ужину, какой только могъ быть изготовленъ въ Рождественскій Сочельникъ, явился, кромѣ реченнаго Мелетія, діаконъ и учитель Никаноръ, не кончившій курса въ Аѳинскомъ университетѣ, самый лихорадочный Грекъ, да ужъ и угостилъ меня своими дерзкими рѣчами, говоря неустанно:

Стыдно Русскому Императору не освободить крестьянъ отъ самаго тяжелаго рабства. Не говорите, что они будутъ освобождены. Ваше развратное дворянство воспротивится этому благому дѣлу.

Россія оказываетъ свое покровительство глупымъ Болгарамъ и всячески ослабляетъ благотворное вліяніе на нихъ Греческихъ архіереевъ, замышляя дать имъ церковную автокефалію (я отпалилъ ему: Болгары намъ братья, и мы освободимъ ихъ, чего бы то ни стоило).

Ваша война съ Турціею въ 1854 г. затѣяна была не въ добрый часъ, и тяжесть ея въ послѣдствіи пала на Грековъ (промолчалъ, но оскорбился этою выходкою недруга).

Богословіе лучше преподается въ Германіи, нежели въ Россіи (я замѣтилъ ему: вы не слушали этой науки ни у насъ, ни у Нѣмцевъ; слѣдовательно, говорите о томъ, чего не знаете).

Архидіаконъ Мелетій, въ свою очередь, злостно промолвилъ: Россія не поддерживаеътъ Александрійскій престижъ патріаршій, ибо господарь Молдовлахіи Куза отобралъ имѣнія его въ свою казну. Услышавъ сей упрекъ намъ, я не выдержалъ и высказалъ архидіакону тоже, что выразилъ патріарху его Каллинику. Потомъ онъ повѣдалъ мнѣ, что въ Нижне-египетскихъ слободахъ Мансурѣ и Тантѣ и въ Верхне-египетскихъ городахъ Миніа, Монфалутѣ и Гиргэ поселились Греческіе покупщики хлопчатой бумаги и другихъ произведеній и привезли туда бумаго-чистительныя машины, и что въ Мансурѣ уже построена для нихъ церковь, а въ Тантѣ и въ другихъ мѣста будутъ строиться храмы Божіи. И такъ мы, заключилъ онъ, и въ Египтѣ будемъ хозяйничать и насаждать милый намъ эллинизмъ (я промолчалъ).

Всѣ эти рѣчи огорчили меня, и я рѣшился завтра же перейти въ городскую гостинницу, дабы болѣе не слышать подобныхъ упрековъ и выговоровъ.

25. Утреню и литургію служилъ въ патріаршей церкви Синайскій архіепископъ Кириллъ. Я молился въ алтарѣ. Послѣ священнослуженія предложено было гостямъ и мнѣ обычное у Грековъ угощеніе вареньемъ и кофеемъ. Я пригубилъ то и другое и тотчасъ ушелъ въ свою комнату, гдѣ и уложилъ въ чемоданъ все дорожное свое, рѣшившись перемѣститься въ гостинницу. Узналъ объ этомъ архидіаконъ Мелетій и началъ упрашивать меня остаться въ патріархіи, но не упрости. Разставаясь съ нимъ (около полудня), я не безъ суровости высказалъ ему вотъ что: Народъ Греческій вездѣ любитъ насъ Русскихъ, а духовенство ваше не любитъ. Но какое зло мы сдѣлали ему? Никакого. Напротивъ, ваша свобода, какою вы пользуетесь теперь, куплена нашею кровію; въ прошломъ году мы прислали Александрійскому патріарху 48520 руб. Не забываете сего. Прощайте!“

17 Марта 1861 г. Порфирій возвратился въ Константинополь, а съ 22 Апрѣля по 15 Іюля былъ снова на Аѳонѣ, гдѣ продолжалъ свои ученія изслѣдованія. Черезъ Константинополь Порфирій пріѣхалъ назадъ въ Одессу и 13 Августа заноситъ въ свой дневникъ:

„Я уже въ Одессѣ и помѣстился не въ архіерейскомъ домѣ, гдѣ не на чемъ спать, гдѣ капли воды не подадутъ служки и гдѣ много другихъ неудобствъ, а въ гостинницѣ Лондонъ на бульварѣ. Здѣсь получено мною письмо графа Толстого отъ 15 Декабря 1860.

Кончены мои путешествія по Востоку. Теперь остается мнѣ привести въ порядокъ всѣ собранныя свѣдѣнія и напечатать ихъ. Господи! Благослови и это дѣло мое.

Кончены мои многочисленныя плаванія по морямъ Черному, Мраморному, Эгейскому съ Архипелагомъ, Средиземному, Адриатическому и Красному. Сорокъ шесть разъ я садился на пароходы и никогда не страдалъ такъ называемою морскою болѣзнію. Морской воздухъ живилъ и укрѣплялъ мое бренное тѣло. Во время плаваній въ глазахъ моихъ рисовались мальчики Греческіе, Албанскіе, Турецкіе, Арабскіе, Абиссинскіе, Негрскіе, Валахскіе, Итальян-

скіе, Французскіе, Англійскіе, Нѣмецкіе, Американскіе, Сербскіе, Болгарскіе, Черногорскіе. Всѣ видѣнные мною люди, какъ и быть, люди, а Негры составляютъ переходъ къ нимъ отъ обезьяны.

„Книга бытія моего“ преосвященнаго Порфирія заканчивается 8-мъ томомъ, о которомъ мною было уже сообщено въ III-й книгѣ „Русскаго Архива“ за 1905 годъ.

Преосвященный Порфирій въ качествѣ эпитафиа къ одному изъ своихъ сочиненій помѣстилъ слѣдующее изреченіе Лафатера: „Отыскивать истину въ путаницѣ понятій, предощущать ее, находить ее, исправлять свои ошибки,— вотъ моя утѣха, мое стараніе“. Этотъ эпитафиа характеризуетъ всю научно-литературную дѣятельность Порфирія. Любовь къ истинѣ была ему присуща, усилія къ отысканію ея были велики, а пріобрѣтеніе ея всегда доставляло ему чистую радость. Эта любовь къ исторической правдѣ не оставляла автора даже въ тѣхъ случаяхъ, когда его глубокое религиозное чувство, привыкшее цѣнить благочестивыя преданія старины, дѣлало какъ бы нѣкоторыя преграды критическому уму преосвященнаго *).

Преосвященный Порфирій, писалъ, профессоръ Московской духовной академіи Лебедевъ, такъ много трудился ради науки и такъ много написалъ цѣнныхъ сочиненій, что его справедливо называли иногда „мученикомъ науки“. Однихъ морскихъ путешествій онъ совершилъ не менѣе 16. Въ похвалу преосвященному прибавляютъ то, что онъ не пряталъ отысканныхъ имъ рукописей отъ взоровъ другихъ ученыхъ, какъ дѣлаютъ многіе ревнивцы своей славы, но охотно допускалъ пользоваться ими еще до ихъ обнародованія. Нельзя скрывать того (да не скрывалъ этого и преосвященный Порфирій), что онъ мечталъ о Европейской славѣ; ему казалось, что такой славы онъ заслуживаетъ... Но таковой славы онъ не успѣлъ достигнуть. Мало того: даже среди представителей Русской науки имя Порфирія не особенно громко. Разносторонность работъ преосвященнаго помѣшала ему специализироваться, а специалисты нашего времени этого не прощаютъ: если кто хочетъ, чтобы о немъ не забывали, тотъ долженъ крѣпко держаться одного опредѣленнаго знамени. Этимъ же объясняется и то, что у насъ такъ мало писано о трудахъ и заслугахъ Порфирія. Даже появленіе въ свѣтъ „Книги бытія моего“ не измѣнило этого. Въ 1910 году 19 Апрѣля прошла уже четверть вѣка со дня кончины преосвященнаго Порфирія, но кромѣ одного духовнаго журнала „Христіанинъ“ никто, кажется, не вспомнулъ объ этомъ великомъ и талантливомъ писателѣ и ученомъ. Никто изъ нашихъ свѣтилъ науки не захотѣлъ вспомнить объ этой крупной величинѣ палеографіи, открывшемъ Синайскій кодексъ Библии IV вѣка и издававшемъ четыре бесѣды Фотія, Константинопольскаго патріарха, самой крупной фигуры Византіи IX вѣка.

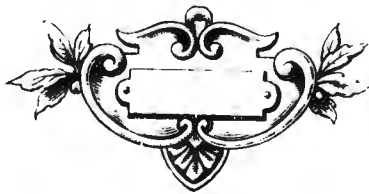
*) Русскій біографич. словарь. СПб. 1905, стр. 595.

Всѣ случайныя, а иногда очень тягостныя невзгоды, неизбежно встрѣчавшіяся Порфірію на его пути, пишетъ въ своей прекрасной статьѣ А. Карасевъ ¹⁾, разсѣвались для него какъ бы сами собой, нисколько не смущая общаго настроенія его души и не отвлекая его отъ пути, разъ имъ для себя избраннаго. Міръ научныхъ изысканій, столь близкій и родственныи его душѣ, неудержимо увлекалъ его въ необъятныя глубины научныхъ изслѣдованій... Этимъ занятіямъ онъ отдалъ, наконецъ, и послѣднія семь лѣтъ своей жизни въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ. Въ тиши своего уединенія, среди бумажныхъ памятниковъ сѣдой старины, онъ съ удвоеннымъ вниманіемъ вслушивался въ тихо просыпавшіеся передъ нимъ голоса уже оставившихъ міръ дѣятелей; всматривался въ ихъ осѣненные великими подвигами и какъ бы живущія еще въ ихъ твореніяхъ лица, и въ глубокомъ погруженіи въ давно-минувшее прошлое, незамѣтно и самъ уходилъ въ эту безконечную даль вѣковъ, совершенно уже забывая тогда о себѣ и о томъ, что его окружало. Среди такой безмятежной тишины и спокойствія онъ заснулъ уже безпробуднымъ сномъ... Для вѣчнаго труженика науки и знанія наступилъ теперь вѣчный покой; но его пытливыи духъ долго еще будетъ жить въ его прекрасныхъ трудахъ, которыхъ, можетъ быть, никогда уже не каснется забвеніе...

Nocturna versate manu, versate diurna...

Андрей Титовъ.

Ростовъ-Великій, 1910 Октября 21.

¹⁾ „Христіанинъ“ IX стр. 96—105.